

Глава 1

В это жаркое летнее утро жизнь в клинике Трех Графств текла как обычно — то обманчиво замирала, то вскипала высокими бурунами, словно на нее действовали невидимые отливы и приливы. За стенами клиники изнывали от неимоверной жары граждане города Берлингтон, штат Пенсильвания, — тридцать два градуса в тени при влажности семьдесят восемь процентов. В районе сталелитейного завода и на железнодорожном узле, где не имелось ни тени, ни градусников, температура — если бы кто-нибудь взял на себя труд ее измерить — была еще выше. В клинике было прохладнее, чем на улице в тени, но ненамного. От жары страдали больные и персонал. Лишь немногие счастливики — состоятельные пациенты и большие начальники — наслаждались прохладой в помещениях с кондиционерами.

В приемном отделении, расположенном на первом этаже, кондиционеров не было, и Мадж Рейнолдс, вытащив из ящика стола пятнадцатую гигиеническую салфетку и промокнув мокрое лицо, решила наведаться в туалет, чтобы приложить соответствующие салфетки и к иным, более потаенным местам. В свои тридцать восемь лет мисс Рейнолдс была не только главным регистратором при-

емного отделения, но и прилежной читательницей рекламы женских гигиенических средств. В результате ее постоянно мучил страх оказаться не на высоте своего санитарного состояния, и она непрерывно курсировала по маршруту от своего стола до дамского туалета, расположенного в конце коридора. Правда, сначала она решила оповестить четверых больных о предстоящей им сегодня госпитализации.

Несколько минут назад из отделений поступила сводка о выписке. Вместо планировавшихся на выписку двадцати четырех больных были выписаны двадцать шесть. Если прибавить к этому две ночные смерти, то из списка очередников на плановую госпитализацию можно было выбрать еще четыре фамилии. В четырех домах Берлингтона и его окрестностей какие-то люди, кто с надеждой, кто со страхом, соберут самое необходимое и отправятся в клинику Трех Графств, чтобы вверить свою жизнь и судьбу медицине — в том ее виде, в каком ее практиковали в этом лечебном учреждении. Промокнув лицо шестнадцатой салфеткой, мисс Рейнолдс открыла журнал, придвинула к себе телефон и набрала номер.

В лучшем положении, по сравнению с персоналом приемного отделения клиники, находились счастливицы, ожидавшие своей очереди в приемной поликлинического отделения. Здесь в шести кабинетах, оснащенных кондиционерами, шестеро специалистов бесплатно принимали амбулаторных больных, которые не желали или не имели возможности в частном порядке обратиться к тем же специалистам в городском медицинском центре.

В кабинете отоларинголога старик Руди Германт, время от времени работавший на заводе — когда заставляли жена и дети, — удобно расположился в кресле и наслаждался прохладой, пока доктор Джон Макьюэн выяснял причину его нарастающей глухоты. Собственно, сам больной не слишком сильно страдал от нее — глухота была ему даже выгодна, особенно когда мастер приказывал быстрее поворачиваться или делать что-то сверх нормы. Но старший сын решил, что отцу пора заняться ушами, и Руди оказался здесь.

Доктор Макьюэн раздраженно вытащил отоскоп из уха старика.

— Было бы неплохо вымыть из ушей всю эту грязь, — язвительно заметил он.

Такая раздражительность в общении с пациентами была в общем-то Макьюэну несвойственна. Но сегодня утром за завтраком продолжался его спор с женой о семейных расходах, начавшийся еще накануне. Из-за этой перепалки он так разнервничался, что, выезжая из гаража на своем новеньком «олдсмобиле», сильно помял правое заднее крыло.

Руди поднял на врача исполненный благожелательного любопытства взгляд.

— Что у меня, доктор? — вежливо поинтересовался он.

— Я сказал, что было бы неплохо... Собственно, это не важно, — ответил Макьюэн, лихорадочно соображая, чем могла быть вызвана глухота пациента — старостью или небольшой опухолью. Случай показался ему интригующим, и профессиональный интерес заглушил раздражение.

— Я не слышал, что вы сказали, — терпеливо объяснил Руди.

Макьюэн повысил голос:

— Ничего особенного! И ничего страшного! —
В этот момент врач был страшно рад глухоте старого Руди, стыдясь своей вспышки.

Тучный терапевт, доктор Льюис Тойнби, прикурив новую сигарету от предыдущей, окинул изучающим взглядом сидевшего напротив не менее тучного пациента. Размышляя о его болезни, доктор Тойнби испытывал некоторую горечь, так как решил на неделю-другую отказаться от китайских блюд. Правда, на этой неделе он приглашен на два обеда, а в следующий вторник состоится очередная встреча в клубе гурманов, поэтому экстренную диетическую меру удастся перенести без особого труда. Мысленно поставив диагноз, доктор Тойнби вперил в пациента строгий взгляд и весомо изрек:

— Вы страдаете ожирением, и я предпишу вам диету. Кроме того, вам непременно следует бросить курить.

Приблизительно в сотне ярдов от того места, где специалисты творили суд и расправу, по коридору первого этажа, обильно потея от жары и преодолевая толчею, торопливо шла мисс Милдред, старший регистратор клиники. Мало того, не обращая внимания на жару, женщина ускорила шаг, увидев, что ее жертва свернула за угол и пропала из вида.

— Доктор Пирсон! Доктор Пирсон!

Когда она поравнялась с ним, пожилой патологоанатом клиники остановился, сдвинул сигару в угол рта и раздраженно бросил:

— В чем дело?

Маленькая мисс Милдред, старая дева пятидесяти двух лет, едва достигавшая пяти футов на самых высоких шпильках, робко съежилась под хмурым взглядом доктора Пирсона. Но рапорта, формуляры и папки были смыслом ее жизни. Мисс Милдред собралась с духом:

— Доктор Пирсон, надо подписать протоколы вскрытия. Комитет здравоохранения затребовал дополнительные копии.

— В другой раз. Я очень спешу. — Сегодня августейший Джозеф Пирсон был сильно не в духе.

Но мисс Милдред стояла на своем:

— Прошу вас, доктор Пирсон. Это займет всего лишь секунду. Я и так уже гоняюсь за вами третий день.

Доктор Пирсон неохотно сдался. Вздохнув, он взял у мисс Милдред протоколы и ручку, подошел к стоявшему в коридоре столу и принялся, ворча, подписывать листы.

— Я даже не знаю, что подписываю. Что это?

— Случай Хоудена, доктор Пирсон.

Пирсон никак не мог остыть.

— Этих случаев столько, что все и не упомнишь.

Мисс Милдред терпеливо напомнила:

— Это рабочий, который погиб от падения с высоты. Он сорвался с цеховых подмостков. Если вы помните, руководство завода утверждало, что у Хоудена произошел сердечный приступ и в противном случае он не мог бы упасть, так как администрация всегда придает первостепенное значение технике безопасности.

— Угу, — неопределенно хмыкнул доктор Пирсон.

Он подписывал страницу за страницей, а мисс Милдред продолжала свой рассказ. Она отличалась

непреодолимой склонностью доводить до логического конца любое начатое ею дело.

— Вскрытие, однако, показало, что у Хоудена было совершенно здоровое сердце, да и вообще он не страдал никакими заболеваниями, от которых могло бы произойти падение.

— Все это я знаю, — резко оборвал ее патологоанатом.

— Простите, доктор Пирсон. Я думала...

— Это был несчастный случай на производстве. Администрация предприятия должна выплачивать вдове пенсию.

Доктор Пирсон поправил во рту сигару и поставил следующую подпись, ухитрившись при этом порвать лист. А мисс Милдред за это время машинально отметила про себя, что на галстук доктора прибавилось пятен от яичного желтка, а заодно подумала, что расческа уже много дней не касалась его густых седых волос. В личности Джозефа Пирсона — заведующего отделением патологической анатомии — сочетались шут и скандалист. Десять лет назад у Пирсона умерла жена, и с тех пор его одежда начала постепенно, но неотвратимо ветшать. Теперь, в возрасте шестидесяти шести лет, он больше походил на бродягу, нежели на руководителя одного из главнейших отделений клиники. Сейчас под его халатом была старая вязаная куртка с растянутыми петлями и с двумя дырками, прожженными скорее всего кислотой. Серые, давно не глаженные брюки мешковато спадали на поношенные и соскучившиеся по щетке и ваксе ботинки.

Джозеф Пирсон подписал последний лист и

почти с ненавистью сунул пачку копий в руки мисс Милдред.

— Теперь, надеюсь, я могу заняться делом?

Сигара прыгала у него во рту, рассыпая пепел, отчасти на его халат, а отчасти на отполированный до блеска линолеум. Пирсон так давно работал в клинике Трех Графств, что ему сходила с рук и грубость, которую не стали бы терпеть от более молодого сотрудника, и курение везде, где он хотел, даже у грозных надписей «Не курить», развешанных в коридорах на самых видных местах.

— Спасибо, доктор, — проворковала мисс Милдред. — Большое вам спасибо.

Доктор Пирсон коротко кивнул в ответ и вышел в вестибюль, надеясь спуститься в подвал на лифте. Однако оба лифта были заняты, и Пирсон, испустив недовольное восклицание, отправился в свое отделение по лестнице.

В хирургическом отделении, расположенном тремя этажами выше, было прохладнее. А в операционном отделении, где тщательно контролировались температура и влажность, врачи и сестры в легкой форме, надетой прямо на нижнее белье, могли чувствовать себя весьма комфортно. Несколько хирургов, закончив утренние операции, сидели в комнате отдыха и пили кофе, прежде чем снова вернуться к операционным столам. Из операционных, двери которых выходили в коридор, сестры развозили на каталках еще не вышедших из наркоза больных по расположенным в обоих крыльях этажа послеоперационным палатам. Там они будут находиться до тех пор, пока состояние не по-

зволит перевести их в соответствующие клинические отделения.

Отхлебывая огненно-горячий кофе, хирург-ортопед Люси Грейнджер пылко превозносила достоинства купленного ею накануне «фольксвагена».

— Прошу прощения, Люси, — сказал доктор Бартлет, — но боюсь, что я сегодня случайно наступил на стоянке на твой автомобиль.

— Ничего страшного, Гил, — ответила Люси. — Должно быть, тебе до того тяжело каждый день обходить детройтское чудовище, на котором ты едешь, что просто некогда смотреть под ноги.

Гил Бартлет, один из специалистов по общей хирургии, был известен как обладатель кремового «кадиллака», всегда тщательно вымытого и безупречно отполированного. Этот автомобиль служил отражением щеголеватости владельца, который всегда был одет лучше других врачей клиники Трех Графств. Помимо этого, Бартлет был единственным обладателем ухоженной и аккуратно подстриженной бороды, делавшей его похожим на Ван Дейка. Когда доктор Бартлет говорил, борода двигалась вверх и вниз — этот процесс просто завораживал Люси.

К ним подошел Кент О'Доннелл. О'Доннелл заведовал хирургическим отделением и, кроме того, был председателем медицинского совета клиники.

Бартлет тут же обратился к нему:

— Кент, я как раз вас искал. На следующей неделе я буду читать сестрам лекцию о тонзилэктомии у взрослых, так не найдется ли у вас слайдов с аспирационными трахеитами и пневмониями?

О'Доннелл задумался, перебирая в уме свою

коллекцию цветных учебных фотографий. Он сразу понял, зачем они нужны Бартлету. Все дело было в редком и малоизвестном осложнении после удаления миндалин у взрослых. Как и большинство хирургов, О’Доннелл знал, что даже при самом тщательном соблюдении хирургической техники крошечные частички миндалин могут попасть в дыхательные пути и стать причиной абсцесса легкого. Он вспомнил, что у него есть несколько таких фотографий, сделанных во время вскрытий.

— Думаю, что найдется, — ответил он Бартлету. — Сегодня вечером поищу.

— Если у тебя нет фотографий трахеи, дай ему снимки прямой кишки. Он все равно не заметит разницы, — сказала Люси Грейнджер.

Врачи дружно рассмеялись.

О’Доннелл тоже не смог сдержать улыбки. Они с Люси были старыми друзьями, и О’Доннелл часто думал, что, будь у них больше времени и возможностей, эта дружба могла бы перерасти в нечто большее. Люси нравилась ему во многих отношениях, и не в последнюю очередь он любил ее за ту непринужденность, с какой она держала себя в сфере, которая в медицине считается чисто мужской. В то же время Люси никогда не теряла своего женского обаяния. Хирургический костюм делал ее бесформенной, такой же, как и окружавшие ее мужчины, но О’Доннелл знал, что под ним скрывается стройная и ладная фигура, которую Люси умело подчеркивала консервативной, но стильной одеждой.

От этих мыслей О’Доннелла отвлекла медсестра, постучавшая и заглянувшая в дверь ординаторской.

— Доктор О’Доннелл, — сообщила она, — вас ждут родственники вашего больного.

— Скажите им, что я сейчас к ним выйду.

Он пошел в раздевалку, снял хирургический костюм и переоделся. Сегодня у него была запланирована одна операция, и в операционную он больше не вернется. Сейчас он поговорит с родственниками больного, которому он только что успешно удалил желчный пузырь, а потом займется административными делами.

Этажом выше хирургического отделения, в палате сорок восемь для частных больных, Джордж Эндрю Дантон только что утратил способность реагировать на термические раздражители. До констатации смерти оставалось секунд пятнадцать. Доктор Макмагон держал больного за запястье, щупая пульс, а медсестра Пенфилд усилила мощность кондиционера до предела. В палате находилась семья Дантона, и в помещении было очень душно. Хорошая семья, отметила про себя сестра Пенфилд, — жена, взрослый сын и юная дочь. Жена тихо плакала, дочь молчала, но по щекам ее неудержимо струились слезы. Сын отвернулся к окну, но плечи его предательски вздрагивали. «Надеюсь, что когда я буду умирать, — подумала вдруг Элен Пенфилд, — по мне тоже будут так плакать — это лучше любого некролога».

Доктор Макмагон отпустил руку больного и выразительно посмотрел на остальных. Слова были не нужны, и сестра Пенфилд зафиксировала в истории болезни время смерти — десять часов пятьдесят две минуты.

В коридорах, куда выходили двери общих палат и палат для частных больных, наступило временное затишье. Утренние назначения сделаны, врачебные обходы закончены. Новая волна суеты наступит к обеду, а пока некоторые медсестры отправились в столовую выпить по чашке кофе, а другие остались на постах, чтобы закончить записи в картах.

«Жалобы на непрекращающиеся боли в животе», — записала сестра Уилдинг в карте одной больной и хотела было перейти к следующей строчке, но передумала.

Во второй раз за это утро седовласая Уилдинг, бывшая в свои пятьдесят шесть одной из старейших медсестер отделения, сунула руку в карман медицинской формы и извлекла оттуда уже дважды прочитанное ею письмо, пришедшее на адрес клиники. Из конверта, когда она его открыла, выпала фотография юного младшего лейтенанта флота, стоящего под руку с красивой девушкой. Сестра Уилдинг внимательно всмотрелась в фотографию, прежде чем снова, в третий раз, перечитать письмо.

«Дорогая мама, для тебя это будет большим сюрпризом, но здесь, в Сан-Франциско, я встретил девушку, с которой мы вчера поженились. Я понимаю, что в какой-то мере это будет большим разочарованием для тебя. Ведь ты всегда говорила, что хотела бы присутствовать на моей свадьбе. Но я уверен, что ты поймешь меня, если я скажу...»

Сестра Уилдинг оторвалась от письма и подумала о своем мальчике, которого она всегда помнила, но которого так редко видела. После развода с мужем она одна растила Адама до его поступле-

ния в колледж в Аннаполисе. Потом были его редкие приезды по выходным и короткие отпуска, затем сына направили на флот, и вот он уже взрослый мужчина, принадлежащий другой женщине. Сегодня она отправит ему телеграмму с изъявлениями любви и добрыми пожеланиями. Много лет назад она говорила, что, как только Адам оперится и встанет на ноги, тотчас уволится с работы, но этого не сделала, а теперь увольнение уже не за горами и нет нужды его торопить. Она положила письмо с фотографией в карман, взяла ручку и закончила запись: «Остаются небольшая тошнота и понос. Доведено до сведения доктора Рейбенса».

На четвертом этаже, в акушерском отделении, никогда нельзя было наперед сказать, каким будет день. Дети, думал доктор Чарльз Дорнбергер, моя руки вместе с двумя другими акушерами, имеют неприятное обыкновение появляться на свет пачками. Бывали, конечно, часы, а порой и дни, когда все происходило размеренно и упорядоченно — дети рождались по очереди, но потом разверзались двери ада и в отделении оказывалась дюжина женщин, рожаящих одновременно. Сейчас как раз наступил один из таких моментов.

Его пациентка, жизнерадостная толстуха негритянка, готовилась произвести на свет десятого ребенка. Она поступила, когда роды уже начались, поэтому в родильный блок ее доставили из приемного отделения «Скорой помощи» на каталке. Моя руки, Дорнбергер слышал ее диалог с интерном — молодым, стажирующимся в клинике врачом, — сопровождавшим роженицу в отделение.

Очевидно, как это всегда бывало в подобных

случаях, интерн освободил лифт от всех прочих пассажиров, чтобы доставить в родблок экстренную пациентку.

— Все эти милые люди вышли из лифта ради меня, — говорила негритянка. — Никогда в жизни не чувствовала себя такой важной.

Дорнбергер услышал, как интерн посоветовал женщине расслабиться, на что она ответила:

— Расслабиться, сынок? Я и так уже расслабилась. Я всегда расслабляюсь, когда рожая. Мне же теперь не надо ни мыть посуду, ни стирать, ни готовить. Да я всей душой хотела сюда попасть. Для меня это праздник. — Началась схватка, женщине стало больно, и она замолчала, потом снова заговорила сквозь стиснутые зубы: — У меня уже девять детей, этот будет десятым. Старший уже такой же, как ты, сынок. Ничего, через годик ты снова меня увидишь. Я опять буду здесь.

Женщина засмеялась. Потом голос ее стих, заговорили сестры, а интерн вернулся к себе, в отделение неотложной помощи.

Дорнбергер посушил руки, надел стерильный костюм и, следуя за каталкой с роженицей, потев от жары, пошел в родовой зал.

В кухне клиники, где жара не причиняла ее работникам особых неудобств просто в силу того, что они к ней привыкли, Хильда Строган, главная диетсестра, откусила добрый кусок пирога с изюмом и одобрительно кивнула повару. Хильда подозревала, правда, что этот кусок с его калориями скажется в конце недели на показаниях напольных весов в ванной, но успокаивала свою совесть тем, что ее долг — пробовать все меню клиники. Кроме